

Лидия Чарская

Вакханка

Лидия Чарская

Вакханка

«Public Domain»

1915

Чарская Л. А.

Вакханка / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1915

Шестнадцатилетняя Клео действительно таила в себе что-то кошачье. Ее хорошенькая, совсем еще детская и свежая рожица, с узкими, зеленовато-серыми, постоянно сладко щурящимися глазками, с наивным припухлым ребяческим и одновременно взрослым ртом и этими, унаследованными ею от отца рыжими, настоящими тициановскими волосами, золотым ореолом окружающими ослепительно белую кожу рыжей блондинки, наводила на мысль о каком-то пушистом, нежном и прелестном зверьке... Эротическая повесть «Вакханка» была долго запрещена цензурой и изъята из библиотек.

© Чарская Л. А., 1915

© Public Domain, 1915

Содержание

I	5
II	8
III	11
IV	14
V	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лидия Алексеевна Чарская

Вакханка

Кто из вас без греха, первый пусть бросит в нее камнем.
От Иоанна, глава 8

I

– Клео, – сказала Анна Игнатъевна Орлова своей рыжеволосой дочери Клеопатре, – сегодня у нас будет с визитом Михаил Павлович Тишинский. Постарайся понравиться ему. Нет ничего хуже, чем дурные отношения между поклонниками матери и ее детьми. Но я надеюсь, что мой милый маленький Котенок сумеет встать сразу на дружескую ногу с таким симпатичным благородным человеком, как Мишель Тишинский.

Эту тираду Анна Игнатъевна закрепила продолжительным поцелуем, на который Клео – как называли молодую девушку друзья и знакомые ее матери – ответила лукавой и все понимающей улыбкой.

Никому иному, как дочери драматической артистки Анны Игнатъевны Орловой, не подошло бы более ее прозвище Котенок. Шестнадцатилетняя Клео действительно таила в себе что-то кошачье. Ее хорошенькая, совсем еще детская и свежая рожица, с узкими, зеленовато-серыми, постоянно сладко щурящимися глазками, с наивным припухлым ребяческим и одновременно взрослым ртом и этими, унаследованными ею от отца рыжими, настоящими тициановскими волосами, золотым ореолом окружающими ослепительно белую кожу рыжей блондинки, наводила на мысль о каком-то пушистом, нежном и прелестном зверьке.

– Будь спокойна, я сделаю все так, как ты этого хочешь, мама. И если этот твой Тишинский окажется таким же интересным и милым, как дядя Макс...

Тут детское личико приняло совсем уже не детское выражение. И ноздри маленького вздернутого носа чуть вздрогнули в чувственном трепете.

Анна Игнатъевна нахмурилась. Ее смуглое лицо далеко еще не увядшей красивой тридцативосьмилетней женщины с такими же зеленовато-желтоватыми, как и у дочери, глазами, однако не прищуренными, а со строгим вызовом смотревшими на людей, внимательно и зорко взглянули в кошачьи зрачки дочери.

– Я не люблю, когда ты так шутишь, Клео, – проговорила она строго, и темный, чуть заметный румянец пополз по ее смуглым щекам.

– Янисколько не шучу, – сорвалось с алых детских пухлых губ Клеопатры. – Мне и в самом деле безумно нравится дядя Макс... Нравится с первых же классов гимназии, и все это знают. Только ты одна упорно не желаешь замечать этого. Ну да, не хочешь... Тебе это выгодно, мама, – почти шепотом закончила всю фразу Клео.

Анна Игнатъевна вздрогнула, как под ударом кнута, под этим взглядом.

– Если ты не хочешь со мною серьезно поссориться, Клео, не смей говорить таких глупостей. Я не потерплю, чтобы дядя Макс служил мишенью твоим глупым насмешкам, – процедила она сквозь зубы.

– Я и не думаю смеяться, с чего ты взяла?

Рыжий локон упал на лоб, зелено-желтоватые глаза блеснули из-под него лукаво и зло настоящим кошачьим блеском.

Взоры матери и дочери на миг скрестились.

В одном из них отразился самый неподдельный испуг, отчаянный страх потерять самое дорогое в жизни; в другом, молодом, горячем и злобном, старшая женщина прочла столько откровенной ненависти и затаенной угрозы, что не выдержала, дрогнула и опустила глаза.

«Боже мой, за что? – думала Орлова. – Мой Котенок, моя девочка, моя дочь родная, выстраданная мною, любимая безгранично, и... такую злобу, столько жгучей ненависти она питает ко мне», – промелькнуло вихрем в голове женщины. Но страдальческое выражение не долго гостило на этом смуглом лице южанки. В следующее мгновение черные брови Орловой поднялись, и не то гордая, не то презрительная усмешка искривила ее губы.

– Ты слишком еще молода, Клео, чтобы заниматься подобным вздором. Флирт, влюбленность и прочие глупости – все это не для твоих шестнадцати лет, поверь мне.

– Но и не для тридцати восьми, не правда ли, мама? – снова прищурила свои кошачьи глазки молодая Орлова.

Орлова-старшая вспыхнула, но нашла в себе силы подавить порыв гнева и только сурово взглянула на дочь. Но кошачьи глазки Клео ответили таким недоумением и невинным вопросом, что сама Анна Игнатьевна усомнилась в недобром намерении дочери посмеяться над ее запоздалою любовью.

Неизвестно, чем окончился бы этот разговор, если бы не затрещал электрический звонок в прихожей, и почти одновременно с ним мимо уютного хорошенького уголка гостиной, где беседовали мать с дочерью, пробежала, виляя на ходу широкими бедрами, горничная Нюша, молодая особа с недвусмысленно истасканным лицом типичной петроградской горничной.

А еще через минуту в гостиную входил высокий худощавый юноша в безукоризненно сшитой визитке, с добродушным безусым лицом и с ровным английским пробором, похожий на только что вылупившегося из яйца желторотого воробышка.

– Глиста какая-то! – тут же оценила мысленно вошедшего гостя Клео, быстрым незаметным взглядом окинув его с головы до ног.

«Ну и поклонник!» – казалось, хотели сказать ее откровенно смеющиеся кошачьи глазки.

Но мелькнувший на мизинце юноши огромный чистейшей воды солитер сразу примирил Клео с непрезентабельным видом их молодого гостя, а прекрасно сшитый, несомненно, у лучшего портного столицы, костюм и вовсе смягчил ее сердце. В руках молодой человек держал роскошный букет красных роз.

«Рублей двадцать, небось, ухлопал», – снова подумала не любившая стесняться в выражениях молодая девушка.

– Вот, Клео, monsieur Мишель Тишинский, мой большой друг и приятель, – проговорила Анна Игнатьевна, протягивая юноше правую руку и левую принимая от него букет. – Надеюсь, что вы скоро подружитесь, детки. Моя дочь Клеопатра Львовна, – отрекомендовала молодых людей друг другу Анна Игнатьевна.

Юноша склонился перед Клео, как перед царицей, и потом остановил на ней восхищенные глаза. Девушка сразу поразила его своею внешностью и оригинальной своеобразной красотой. Нет, положительно он не встречал ничего прелестнее этой поэтически растрепанной златокудрой головки. Он шел сюда, как поклонник красивейшей женщины и талантливейшей артистки частного театра, Аннет Орловой, за которой ухаживал вот уже скоро месяц, всячески добиваясь ее расположения. И что же? Приглашенный впервые в ее дом, он увидел это маленькое, рыжее чудо в ее уютной, зеленовато-белой декадентской гостиной и растаял, как воск, с первого взгляда. Эта рыжая девочка, с молочной кожей и с ухватками игривого задорного котенка, положительно затмевала свою талантливую мать.

Тишинский смотрел на девушку широко раскрытыми добрыми, немного близорукими глазами.

– Но он божественно глуп в довершение всего, – внутренне давилась от смеха Клео, бросая кокетливо-вызывающие взгляды на молодого гостя.

Между тем Нюша вкатила столик с серебряным сервизом, кексом и печеньем. За чашкой чая беседа всегда льется проще и свободнее. Так было и теперь.

Тишинский свободно отвечал на вопросы, задаваемые ему хозяйкой дома.

Ну да, он не скучает здесь нимало. Правда, он больше привык к Москве, где кончил лицей, где все его знакомства и связи. Но и здесь он устроился, в сущности, весьма недурно благодаря отцу, который не стесняет его в средствах.

– Ты знаешь, Клео, ведь monsieur Мишель – сын того известного сибирского золотопромышленника, – начала Орлова и не договорила: вошла снова Нюша и объявила, что скоро четыре часа, и барыне надо ехать на репетицию, которая назначена ровно в четыре.

Та поднялась легким грациозным движением.

– Прекрасно, monsieur Мишель, надеюсь, не соскучится в твоём обществе, Клео. Позаботься об этом. А я еду... До свидания, дети мои. Я не прощаюсь с вами, Тишинский...

И она, послав по воздушному поцелую дочери и своему поклоннику, с быстротою девочки выпорхнула из комнаты, задорно и молодо постукивая каблучками. А пятью минутами позже промелькнула мимо молодых людей, уже одетая в модное весеннее пальто и несколько крикливо эффектную шляпу.

Едва только парадная дверь захлопнулась за матерью, как Клео тоже неожиданно стремительно поднялась со своего места, подошла чуть ли не в упор к гостю, и, глядя ему в глаза вдруг зажегшимися злыми глазами, произнесла веско, отчеканивая каждое слово:

– Довольно! Я все поняла. И то, что вы задумали с моей дражайшей мамашей, не удастся. Да, миленький, не удастся, черт вас подери, как бы вы ни строили из себя желторотого невинного птенчика! Моя маменька, по-видимому, прочит вас мне в мужья, и с этой целью устроила нынче мои смотрины. Но знайте – я не допущу ничего подобного. Я люблю другого – и ничьей женой не буду. Его – или ничья, и об этом довольно. Баста! А больше нам с вами пока что беседовать не о чем.

И она выбежала из гостиной прежде, нежели опешивший Тишинский успел произнести хоть одно слово.

II

Анна Игнатьевна совсем не могла репетировать сегодня. Небрежно подавая реплики, она нехотя переходила с места на место, раздражая своим апатичным видом и режиссера, и антрепренершу, худосочную костлявую даму бальзаковского возраста, играющую исключительно молоденьких инженершечек. Наконец к семи закончилась нудная тягучая пьеса, а в половине девятого должен был начаться спектакль. Орлова мельком взглянула на свой браслет-часики и пожалала плечами.

Она ждала Макса Арнольда. Между ними было условлено, что Макс, иначе Максим Сергеевич Арнольд, преуспевающий чиновник министерства юстиции, заедет за нею сегодня, чтобы везти ее обедать к Медведеву, а оттуда проводит ее в театр. К счастью, ее роль началась во втором акте, и она успела бы вернуться сюда к девяти. Но Макс не ехал. Что бы это могло значить? Женщина волновалась. На смуглом лице зажглись темные пятна румянца. Глаза лихорадочно загорелись. Знакомые уколы начали пощипывать сердце. Пять лет уже, как она, прежде независимая, счастливая, гордая и недоступная, познакомилась с этими уколами мучительной ревности. Еще бы! Разве могло быть иначе! Макс Арнольд был так божественно хорош.

С тех пор, как умер ее муж, художник Орлов, оставив ей свою точную копию в миниатюре – рыжую Клео, носивший ее на руках, как куклу, и молившийся на свою «смуглую женщину», как называл он жену, Анна Игнатьевна решила отказаться раз и навсегда от любви и ее радостей.

Красивая женщина и эффектная актриса, она могла бы всегда сделать выбор в толпе своих театральных поклонников, но она была верна памяти мужа, шесть лет живя жизнью монахини-аскетки. И вот, когда ей уже перевалило за тридцать, и ее изящное смуглое тело, которое не однажды служило моделью художнику-мужу, стало постепенно обретать плавные и мягкие формы, тут-то она и встретила Макса.

И сейчас, как наяву, перед ней стоит эта встреча. Она играла Ольгу Ранцеву; его, восхищенного, в числе других, ее исполнением, друзья привели представиться театральной знаменитости.

Что случилось с нею в тот вечер? Когда она увидела этого белокурого, изнеженно-породистого барина, очевидно, баловня судьбы и женщин, с его усталым холодно-порочным, взглядом и нежно-развратной улыбкой, точно что-то толкнуло ее в сердце: «Это он!» – сказала она себе тогда же и, кажется, полюбила его в тот же миг и отдалась ему всецело с головокружительной быстротой обезумевшей от страсти женщины. Она влюбилась в него тою осеннею любовью, которая ведет или к вечной радости достижения, или к тихой, постепенной, длительной пытке.

В данном случае произошло первое. Арнольд, пресыщенный, избалованный своими бесчисленными светскими романами, такими обыденными и шаблонными, в сущности, загорелся мечтой испробовать счастья с незаурядной женщиной, сильной своим сценическим талантом, отмеченной любовью к ней известного, недюжинного художника, ее мужа, сумевшего увековечить красоту этого совершенного, смуглого тела.

К тому же ему импонировала ее оригинальная натура, натура богобоязненной староверки (Анна Игнатьевна вышла из старой, верной христианским традициям купеческой семьи) и в то же время страстно-разнузданная в любви. Словом, Макс Арнольд, светский человек, вивёр, прожигатель жизни, казалось, увлекся не на шутку артисткой Орловой. Он окружил ее нежными заботами, а ее малолетнюю дочь – чисто отеческой заботливостью. Его небольшое, но прекрасно устроенное имение в черноземной полосе России приносило кой-какой доход, и это давало возможность Максиму Сергеевичу обставить с некоторой долей комфорта семью его новой пассии.

Таким образом, театральное жалование Анны Игнатьевны могло целиком идти на ее костюмы. Обо всем другом заботился первое время ее любовник. Орловой ее связь с Арнольдом казалась раем, и если что и смущало женщину, то только упрямство ее возлюбленного: как ни любил Анну Игнатьевну Арнольд, но на все прямые и косвенные намеки Орловой относительно возможности узаконения их связи, он всегда находил случай вывернуться – и своевременно отступить. И это отравляло женщине сладкие минуты ее счастья.

– А вот и я! Простите меня, Annette, я, кажется, заставил вас ждать, дорогая, – услышала задумавшаяся Орлова позади себя хорошо знакомый ей голос.

Она вспыхнула, как девочка, от радости протянула подошедшему Арнольду обе руки. На них смотрели с любопытством и с завистью. Пятилетняя связь этой пары ни для кого не была тайной. И в театре к Максиму Сергеевичу давно привыкли, как к своему человеку.

Он был очень хорош собою – этот высокий, статный, белокурый человек в широком весеннем пальто-клетше, с этой своей небрежно-порочной улыбкой и устало-развратным взглядом. В его бритом характерном лице английского типа было что-то сводившее с ума женщин и удваивавшее с каждым годом число его врагов среди мужчин.

Поцеловав перчатку Орловой с таким видом, как будто между ними ничего никогда не было, Арнольд подал ей руку и повел к выходу, где его ждал наемный таксомотор.

– Ну, поздравь меня, Макс! – проговорила веселым тоном Орлова, как только они очутились в тесном купе автомобиля, – дело с Тишинским налаживается. Я позвала его к нам, – нынче он уже был с визитом, и, кажется, девочка произвела на него некоторое впечатление. Пришлось покривить душой. Я сказала Клео, что этот молодой богач, наследующий золотые прииски его папаша, интересуется исключительно мною и намерен состоять при моей особе. Девочка, кажется, поверила. О, если бы можно было уладить возможно скорее этот брак, а то Клео положительно пугает меня с некоторых пор. Она, несомненно, унаследовала вместе со своей наружностью и бурный темперамент своего отца и порою ставит меня в тупик своими словами и поступками. Нет, ее необходимо выдать замуж – и как можно скорее. Ты подумай только, – пока она была в гимназии меня постоянно смущали ее юные поклонники-гимназисты, студенты и другие юнцы, к которым она бегала на свидания, а с некоторыми переписывалась за моей спиной. Теперь она кончила гимназию, – и что же? Не успела оглядеться как следует, уже преподносит новый сюрприз. Представь себе: они изволят не на шутку увлечься своим молодым дядей Максом! Ну да, тобою, мой милый, – не делай, пожалуйста, таких больших глаз, покоритель сердец! – разразилась не совсем естественным смехом Орлова.

Арнольд усмехнулся.

– Вот как! Это очень мило со стороны Клео, и я весьма польщен...

– Пожалуйста, не льсти себя надеждой. Девчонка молода и меняет свои симпатии, как перчатки. Сегодня ты, завтра другой... – уже несколько раздраженно бросила Орлова.

Лиловые весенние сумерки бессолнечного хмурого дня уже сгустились, и внутри каретки нельзя было различить той внезапной бледности, которая покрыла лицо Арнольда. Он сжал на мгновение зубы. Потом, не разжимая рта, процедил:

– А все-таки было бы грешно с твоей стороны выпихивать замуж ребенка, еще не знающего любви.

– Этот ребенок привык к роскоши, – прервала его Орлова, – а Мишель Тишинский имеет возможность выкупать в ней любую женщину... Я, напротив того, боюсь даже мечтать о таком счастье для нее!.. Собственно говоря, что она из себя представляет? Так – ничтожество, правда с хорошенькой и свежей мордашкой. Нет, Тишинский – это положительно лакомый кусочек для девочки. И, пожалуйста, не мешай мне в этом, Макс, – уже раздраженным тоном закончила артистка. Арнольд шутливо поклонился, больше для того, чтобы скрыть выражение тревоги, промелькнувшее у него в лице.

Автомобиль между тем остановился у знакомого подъезда, и швейцар выбежал высаживать обычных посетителей.

Тонкий обед, близость Макса, его томный взгляд разнежили Орлову.

– Максинька, – прошептала она за десертом, – ты проводишь меня в театр, а потом заглянешь ко мне после двенадцати... Ключ у тебя, я надеюсь...

Она заглянула ему в глаза преданными, почти робкими глазами.

Но он поспешил отвести от нее взгляд.

– Увы, дорогая, сегодня мне необходимо быть у моих стариков. Они скоро уедут на дачу... Завтра, если можно...

– Как хочешь, Макс, – уже ледяным тоном бросила женщина и прибавила уже с ноткой явной подозрительности, дрогнувшей в голосе: – Ты едешь к своим тотчас же или посидишь у меня в уборной?

– Прости великодушно и на этот раз, Анна, сегодня я провожу тебя только до дверей театра.

– Как хочешь, – снова прозвучало холодно.

Автомобиль помчался. У театрального подъезда Арнольд поцеловал руку Орловой и, подождав, пока высокая фигура последней скрылась за стеклянной дверью артистического входа, круто повернулся к эстонцу-шоферу и скомандовал, быстро вскакивая в экипаж:

– На Кировную, к Орловым... Да поживее, пожалуйста, Герман. Каждая минута на счету...

III

Михаил Павлович Тишинский долго не мог опомниться после отповеди, данной ему молодой Орловой, тем более что отповедь эта являлась в данном случае совершенно несправедливой. Он менее всего думал о том, чтобы соединиться с дочерью прелестной Annette Орловой узами брака. Он даже не предполагал, что у красивой моложавой артистки есть почти взрослая дочь. Но, тем не менее, увидя девушку, простодушный и прямолинейный от природы, далеко еще не успевший испортиться в омуте столичной жизни, двадцатитрехлетний Тишинский сразу воспылал страстью к Клео. Оригинальная внешность этой «маленькой вакханки», женщины-ребенка и женщины-кошки, как ее справедливо называл Арнольд, поразила его, ударила по нервам, по дремавшей до сих пор страстности натуры. За прелестной Annette, как называли актрису Орлову в том кружке, в котором он вращался, он волочился скорее из моды, как всякий богатый наследник ухаживает за артисткой, из желания подразнить менее счастливых товарищей, он, которому богатый и щедрый родитель отсыпал каждое первое число столько денег, сколько он спрашивал у старика.

Забившись в свою сибирскую нору, старик Тишинский все то, что мог бы прожить сам, живя в городе, посылал своему единственному сыну, любимому им до самозабвения.

– Наша фамилия старинная, заслуженная, дворянская, – говорил он, когда его упрекали в излишнем баловстве и поощрении к расточительности сына, – и чтобы с честью и достоинством носить ее, необходимо иметь деньги для представительности, для комфорта. А Миша у меня единственный, умру – все равно ему оставляю, не поташу же за собою в могилу. Деньги же молодежи нужнее, чем нам, старикам, так пусть и пользуется ими вволю, пока молод.

И молодой Тишинский пользовался, как мог и как умел. Он страстно и искренне любил искусство вообще, а драматическое в частности. И ежедневно проводил свои вечера в театре. Его увлечение Орловой выросло на этой почве. Вернее даже не увлечение ею, а теми ее образами, которые она умела создавать в свете огней рампы. У него и знакомство-то с нею завязалось на этой почве. В душе своей этот по виду простенький, казавшийся моложе своих лет юноша носил бога, бога красоты, и это оберегало его от засасывающей грязи жизни.

Незаслуженно обвиненный Клео, он ушел от нее смущенный, взволнованный и почти испуганный неожиданной отповедью. А в душе кто-то назойливый и упрямый нашептывал вопреки разуму и логике:

– Она должна быть твоею, она должна быть твоею. Это именно та девушка, о которой ты тайне мечтал, и она будет твоею, будет...

В то же самое время Клео, не подозревавшая даже о том впечатлении, которое она произвела на молодого человека, и относившая его намерение целиком за счет «интриг» матери, которую она, кстати сказать, подозревала во всевозможных кознях, все еще пылала негодованием. Вся розовая от волнения прошла она в свою комнату.

Здесь, в этой голубой шкатулке (голубой цвет был ее излюбленный: он так шел к ее рыжим волосам и ослепительно белой коже), обтянутой бирюзового цвета кретоном с атласными бантами и розетками, пахло какими-то острыми, с несомненной примесью мускуса, духами. Изящные, самых неожиданных и прихотливых форм, козетки, пуфы, кресельца и диваны были расставлены, вернее, разбросаны в живописном беспорядке на белых коврах с крупными, чудовищных форм и футуристической тенденции цветами. Узкая, за такими же нелепыми и крикливо разрисованными ширмами, постель казалась каким-то неожиданным оазисом чистоты и девственности среди целого хаоса статуэток, картин вольного содержания, всяких ширмочек, шкафчиков, бра и экранов, с теми же не то футуристическими, не то символическими рисунками. А в простенке между двух окон стояло прелестное трюмо, отражавшее сейчас маленькую, полудетскую фигурку и растрепанную голову обладательницы этого

странного экзотического уголка. В нем же отражался и портрет во весь рост Анны Игнатьевны, помещавшийся напротив. На нем артистка была изображена в роли Сафо... Грозно смотрели ее строгие, страстные, обведенные синими кольцами глаза. Траурной каймой были обведены строгие брови... И в красноречивом молчании сомкнуты гордые уста.

Рыжая Клео, войдя в свою комнату, с такой любовью устроенную ею самой несколько месяцев тому назад на средства того же баловника дяди Макса, когда она была еще в старшем выпускном классе гимназии, подошла прежде всего к зеркалу и вперила в свое отражение все еще горевшие гневом и негодованием глаза. И вот постепенно стало проясняться выражение бело-розового свежего личика. Лукавый огонек зажегся в глубине этих желто-зеленых кошачьих глаз, улыбка растянула пухлые губки. Вдруг она расхохоталась, откинув назад голову.

– И этот дурак, этот длинный воробей смел думать, что я смогу, что я захочу стать его женою!.. Как бы не так. И с этой внешностью маленькой вакханки, как называет меня Макс, и с моей перламутровой кожей, с моими влекущими глазами (его выражение тоже) быть женою этого желторотого птенца, у которого, кроме папашиних приисков, нет ничего за душой... Ни ума, ни остроты, ни умения оценить такую штучку, как я! Ну уж это дудки-с! Ступайте пасти ваши стада, как говорят французы, куда-нибудь подальше, милый Мишель, а вам такой табак не по носу.

И она с задорным видом настоящей французской кокетки – увы! – низкого пошиба, ухарски шелкнула пальчиками перед воображаемым носом злополучного Мишеля.

Потом с тем же веселым хохотом повалилась на ближайшую кушетку, вся потягиваясь, нежась и извиваясь на ней с чисто кошачьей грацией. Протянула руку через голову, нащупала стоявший в изголовьях кушетки на стенном бра портрет... То было изображение Арнольда. На нее смотрели дерзкие, усталые глаза, и чуть усмехались надменные порочные губы. Девушка смотрела минуту жадным влюбленным взглядом в красивое лицо Арнольда. Потом, с внезапно загоревшимися глазами, с яркой краской, внезапно вспыхнувшей на лице, прижала портрет к сильно бьющемуся сердцу и опрокинулась с ним вместе на спинку кушетки, осторожно и нежно сжимая его в объятиях. А услужливая память уже рисовала пережитые впечатления из недавнего полудетского прошлого.

Ей, Клео, минуло одиннадцать лет, когда в их доме появился этот красивый, тогда еще тридцатилетний блондин, пресыщенный и одновременно усталый. Рано развившаяся девочка, росшая на свободе среди удушливо-пряной обстановки дома, хозяйка которого делила себя между подмостками и поклонниками, предоставленная развращенным нянькам и боннам, читавшая чуть ли не с восьми лет бульварную рухлядь, сразу при появлении в доме дяди Макса, жениха ее матери, почувствовала к нему какое-то острое влечение полуробенка-полуженщины. Дядю Макса очень забавляла эта детская любовь, и он всячески поощрял ее – разумеется, в шутку? Клео помнит его чересчур продолжительные поцелуи и не менее продолжительные сидения на коленях молодого, интересного жениха ее матери. Помнит его растлевающую лесть, его щедрые подарки, всегда умело подчеркивающие ее тщеславие крошечной женщины: полуигрушечные браслеты, кольца и прочую дорогую бижутерию, которыми он баловал ее вначале. А когда ей минуло четырнадцать лет, он привез ей целое приданое – белье из шелкового батиста, тончайшего, как паутина, с кружевами, прошивками и лентами, которому позавидовала бы любая шикарная парижская кокетка. Его ласки делались все смелее и смелее. Его чары заволакивали туманом экзальтированную рыжую головку. Недетская чувственность и настоящая страсть сжигали теперь маленькое тело подростка. Клео с грехом пополам доучивалась в гимназии... Все ее мысли сводились к одному стремлению, к одной цели: принадлежать ему, Максусу... Принадлежать ему всецело... На всю жизнь, всегда, постоянно, ему одному, ему одному. И сейчас, думая эту свою постоянную думу, с закрытыми глазами, вся съезжившаяся в комочек, она сладко улыбается своими пухлыми детскими губами...

Вдруг неожиданно она поднимается и садится на кушетке... и нервы ее опять натягиваются, как струны. До ее чуткого слуха долетает звук электрического звонка, несущегося из прихожей. Вот, постукивая каблуками, пробежала по коридору горничная Нюша... Вот снова шаги... Но не ее на этот раз, назойливые, скучные... Знакомая легкая и ленивая походка...

Знакомые, близкие, скорее сердцем, нежели слухом угаданные шаги... И легкий стук в дверь, и милый голос, спрашивающий: «Можно?»

Собственное, упавшее до чуть слышного шепота: «Войдите...»

И сердце Клео замерло в груди. Сердце перестало биться.

IV

– Дядя Макс! – протягивая вперед тонкие розовые руки еще не вполне сформировавшейся девушки, прошептала с истомной нежностью Клео и зажмурила глаза.

Луч солнца скользнул по рыжей головке, и короткие кудри девушки загорелись под ним червонным золотом. И вся она казалась какою-то сверкающей, золотой, сияя вошедшему Арнольду счастливой, влюбленно-разнеженной улыбкой.

Он подошел к ней медленно, словно крадущейся походкой, не отводя от нее вопрошающего зоркого взгляда. Она ждала, вся замирая, все еще с закрытыми глазами, с протянутыми вперед дрожащими руками. Арнольд, не спеша, приближался, высокий, худощавый, изящный, с его гладким без тени растительности лицом английского денди, с безукоризненным пробором тщательно причесанных волос, в таком же безукоризненном смокинге, с ищущим и одновременно холодным взглядом, показавшимся особенно значительным вследствие темных колец, окружающих глаза. Строго сомкнутые губы угрюмо и значительно молчали.

Он подошел к кушетке, мягким ленивым движением опустил на нее подле гибкой полудетской-полудевичьей фигурки и уверенным движением захватил обе руки девушки в свои.

– Итак, Клео, – произнес он насмешливо, коснувшись губами ее тонких пальчиков, – тапап желает, чтобы вы стали достойной супругой этого достойного молодого миллионера? – Он коротко и сухо рассмеялся.

Клео вздрогнула от первых же звуков этого странного недоброго смеха, и вдруг волна отчаяния захлестнула ее душу.

– Дядя Макс, не смейте смеяться надо мною! Вы же знаете: я люблю вас, и только вас, – и не буду ничьей женою.

Ее личико мгновенно побледнело. Настоящая страсть созревшей женщины зазвенела слезами в ее еще детском голосе... Лицо вмиг потухло и осунулось сразу. И сама она сразу вся потускнела как-то и теперь казалась почти дурнушкой.

Арнольд хладнокровным взглядом оценщика смотрел на нее.

– Нет, она положительно некрасива, бедняжка, ей далеко до матери, – мысленно резюмировал он, – у Анны есть тонкая острота и умение вести игру, у этой малютки сразу сказывается натура... Кусок бифштекса здесь – и чуть испорченный рябчик там, я гурман и предпочитаю последнее.

И лицо его приняло скучающее выражение.

Чисто звериным инстинктом Клео угадала его мысли... Внезапно потухли печальные огоньки в глубине ее кошачьих глаз. Ее взор ожил и прояснился. Грациозным движением, вернее прыжком, поднялась она с кушетки и прежде, нежели Арнольд успел опомниться, закинула ему обе руки на шею и прильнула к нему всем телом.

– Я люблю вас, дядя Макс... Разве вы не видите, как я люблю вас!.. – залепетала она теперь. – Я все знаю... Я знаю, что вы только так, просто, называетесь женихом мамы, для того чтобы... ну словом *pour conserver les apparences*, как говорят французы... Но вы не женитесь, ни за что не женитесь ни на маме, ни на ком другом... Ах, дядя Макс! Вы никого не любите в сущности... Вы не умеете любить... Таким уж создала вас судьба – жестоким, холодным и прекрасным. И, может быть, вот за эту-то холодность вашу, за жестокость эту самую я так и люблю вас... Полюбила, еще пять лет тому назад, еще когда была совсем ребенком... Тогда бессознательно, теперь сознательно, страстно, безумно... Я люблю вас, дядя Макс, больше, чем мама... О, гораздо больше, чем она... У нее есть помимо вас и другие интересы: ее театральные успехи, ее сцена. У меня – ничего нет. Я живу только вами, я дышу только вами. Поймите же, милый, нельзя безнаказанно шутить с огнем! Что вы делали со мною все эти годы? Вы исподволь, ради забавы, ради пустой прихоти или от скуки разжигали во мне то женское, что

должно было бы еще спать во мне, не пробуждаясь годы, десяток лет, быть может... А вы зажгли меня, вы бросили в мою душу зерна чувственности, и они вырастили мою огромную, мою огневую страсть... Вы сами виноваты теперь, если я не могу жить без вас, если я хочу вас... если я каждую минуту готова отбить вас у матери и стать вашей любовницей... Ну да, стать вашей любовницей, отдаться вам, как вещь, которую вы можете сломать и выбросить на другой же день в окошко... Но в этот миг, сейчас, по крайней мере, вы мой, дядя Макс... Нет, не дядя, а просто Макс, чудный, желанный мой, дивный!

В начале этой горячей, влюбленной, волнующей речи Клео казалась несколько робкой и смущенной, но с каждым новым словом, с каждым новым мгновением стыд и робость исчезали куда-то, и перед изумленным Арнольдом предстала маленькая вакханка с помутившимися от страстного желания глазами, с льнущим к нему раздражающе гибким телом. Теперь ее тонкие, еще так молодо-розовые руки змеями обвивали его шею. Горячее дыхание жгло лицо... Помутневшие глаза опаляли нездоровым огнем...

Не было ничего трезвого и в ее прерывистом шепоте. И Арнольд скорее угадал, нежели расслышал слова, повторяемые бессчетно:

– Я люблю тебя... Макс! Бери меня... Губи меня... Убей меня... Я люблю тебя пламенно... Я умираю без твоей ласки... Слышишь? Зачем ты будил мою страстность? Зачем с детских лет распял мою душу? Мне ничего не надо. Я ничего не хочу, не требую взамен. Только ласки. Только любви твоей. Или я хуже мамы? Но ведь она старуха передо мной. А я... я...

Она не договорила... Она, казалось, задохнулась под волной захватившей ее страсти. Маленькая гибкая рука все сильнее и сильнее сжимала шею Арнольда, а пряный, острый, как нож, аромат мускуса начинал кружить ему голову. Ученица превзошла, по-видимому, в науке страсти своего учителя. И уже вполне оправдала все его ожидания. Действие от тех раздражающих, чувственных поцелуев, которыми он вот уже скоро пять лет, как покрывал эту белую, как жемчуг, шейку и розовое детское личико, казалось теперь. Он во всей его потрясающей силе отравил ядом знойной похотливой любви этого ребенка, и мог теперь пожинать плоды рук своих.

Но Арнольд медлил... Эта девичья страсть не могла не захватить даже такую пресыщенную натуру. Слишком непосредственно и искренно вырвалась она наружу. Но что-то более сильное удерживало его в границах... Может быть, то были обломки благородных традиций. Может быть, где-то на дне души притаившаяся щепетильность. Владея телом матери, он не хотел опускаться до гнуснейшей из измен – связи с ее ребенком. К тому же Клео была слишком молода. А в глубине души своей, помимо всего остального и едва ли не главным образом, Арнольд все-таки боялся ответственности. Мог выйти грандиозный скандал. Он знал свою Анну, суровую и в любви и в ненависти. Последнее особенно сильно противодействовало его желанию, заставляя его думать о последствиях.

Он опомнился первый. Осторожным, но сильным движением оторвал впившиеся в его шею руки и, мягко отстранив от себя трепещущее и тянувшееся к нему тело девушки, произнес своим обычным небрежно-шутливым тоном:

– Ну довольно, Котенок... Подурила и будет. Взгляни лучше на меня повнимательнее: разве можно любить такой обворожительной девушке такого старика! Ну да, я был не прав перед тобою. Я был дурак в то время, когда играл с таким горячим огоньком. Но кто же знал, что у нашего Котика такой бурный темперамент. Что? Не вздумай ли ты отрицать этого? Поцелуй же меня, как брата или как старика дядю, моя маленькая рыжая Кошечка...

Он не договорил. Клео стояла теперь перед ним, вытянувшись во весь свой невысокий рост, странная, напряженная, прямая, как стрелка... И глаза ее метали молнии.

– Вон! – произнесла она отдельно, отчеканивая каждое слово. – Подите вон, господин Арнольд... И знайте, что вы мне гадки за все ваши подлые поступки со мною!

И дождавшись, когда он, отвесив ей насмешливый, преувеличенно низкий поклон, скрылся за дверь, она с размаху кинулась с истерическим криком на кушетку и разрыдалась сухими, тяжелыми рыданиями, рвущими грудь...

V

– Что я наделала, Фани! Что я наделала! Он никогда не простит, никогда не забудет! Подумай: наговорить ему гадостей, выгнать его вон из комнаты, как какого-нибудь мальчишку! О, Фани, этого он мне никогда не простит!

– Ты дура, Клео... Набитая дура... И когда ты научишься ценить сама свою собственную особу! Не мы для мужчин, а они для нас. Эти животные, казалось бы, созданы исключительно для нашего благополучия, а они только являются источником нашего несчастья. А почему? Потому что наша сестра глупа, как этот окурочок, а их брат жесток и чудовищно бессердечен.

И с этими словами худая до карикатурности Фани, вернее Ефросинья Алексеевна Кронникова, двадцатидвухлетняя жгучая брюнетка негритянского типа, с преждевременно увядшим лицом рано познавшей тайны жизни особы, с каким-то ей одной свойственным шиком отбросила через плечо недокуренную пахитоску.

Она и Клео курили, развалившись на диване в непринужденных позах в большом кабинете молодой хозяйки, попожем скорее на гарсоньерку молодого холостяка, нежели на комнату барышни. Удобная кожаная мебель, шкуры зверей, разбросанные на полу, картины и статуэтки фривольного жанра, коллекция оружия, развешанного по стенам, все это мало гармонировало с обычными женскими привычками. Но Фани Кронникова была, можно сказать, исключительная женщина. Ее родители умерли давно, оставив огромное состояние дочери, тогда еще девушке-подростку. Была назначена опека, от которой всего лишь год тому назад избавилась Фани, и теперь, по окончании гимназии (она кончила курс ученья только на два класса раньше Клео, тогда как была старше на целых шесть лет), молодая Кронникова пила жадными глотками жизнь. Поселив в своем собственном доме-особняке полуслепую старую деву – тетку и сделав этим уступку общественному мнению, Ефросинья Алексеевна не обращала с тех пор никакого внимания на свою родственницу.

В этом доме-особняке с утра до вечера на половине молодой хозяйки толкалась молодежь; устраивались еженедельно едва ли не самые забавные в столице вечера. Сюда приглашались с большим выбором молодые люди, преимущественно из золотой молодежи, кутящие сынки видных аристократических фамилий или молодые коммерсанты и подруги Фани, любившие повеселиться и не особенно строгие в выборе способов этого веселья.

Злые языки говорили, что в роскошной экзотической гостиной молодой Кронниковой, устроенной по образцу древних индийских гаремов, происходили афинские, или же эротические, сеансы, изобретательнице которых позавидовала бы любая гетера древности.

Некрасивая, похожая на негритянку, смуглая, черноволосая, с вывороченными ноздрями и до безобразия чувственными губами, Фани имела, несмотря на свою внешность молодой гориллы, положительный успех у мужчин. Испорченная, утонченно-порочная, она покорила своей распущенностью, цинизмом и вульгарной простотой. Ей приписывали любовников десятками, но никто с уверенностью не мог бы назвать ни одного. Всегда ярко и пестро одетая, залитая бриллиантами, пропитанная насквозь каким-то пряным, ей одной известным ароматом, Фани действовала возбуждающе на толпу теснившихся вокруг нее друзей-мужчин. И терпеть не могла поклонения и лести... Она сама присматривала, выбирала себе любовника. Разнузданно-откровенная, она всегда имела про запас готовую фразу, которую и бросала с ей одной свойственным цинизмом:

– Не старайтесь обхаживать меня, миленький. Не стоит труда. Все равно не выгорит. Терпеть не могу никаких подходцев. Я с батькиным миллионом сама могу прекрасно и выбирать, и покупать, и ко всем чертям послать в преисполню. Поняли, душенька? И зарубите это у себя на носу.

Но даже такая грубость ей прощалась.

– Хамка, мужичка, – процедит только сквозь зубы обиженный ею юнец и все же не находит в себе достаточно силы уйти из дома Кронниковой, таящего в себе какую-то притягательную грешную силу, не будучи в состоянии расстаться с ее утонченно задуманными экзотическими вечеринками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.